

Александр Городницкий

Стихи

Александр Городницкий. Александр Моисеевич Городницкий родился 20 марта 1933 года в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН., заслуженный деятель искусств РФ, 2013 г.

В выпуске приведена подборка стихотворений 2018 года.

Восхождение к Эрмитажу

Георгию Вилинбахову

Восхождение к искусству
По ступеням Эрмитажа,
Где стоят, потупясь грустно,
Серо-мраморные стражи.
Здесь себя являет зримо
Гений творческий, неистов, —
От Эллады и от Рима
И до импрессионистов.
Восхожденье к Эрмитажу,
Ранней осени наброски.
Довоенные пейзажи
Линий василеостровских.
На судьбу свою в обиде,
Приходи под своды эти:
Все, что в детстве ты увидел,
Ты в ином увидишь свете.
Осознаешь это, вроде,
Лишь подумав хорошенько, —
Ты всю жизнь к нему восходишь,

За ступенькою ступенька,
В этот храм под облаками,
Что всегда — источник света.
Только выживший в блокаду
Осознать способен это,
Кто сберечь пытался душу,
Проживая жизнь на риске,
Обошел моря и сушу,
Потерял родных и близких.
Только тот, кто предан другом,
Кто любовью был изранен,
Кто в палатке слушал вьюгу
Ледяными вечерами,
Кто прозрел, возможно, поздно,
Понимает, век из века,
Этот мир, который создал
Бог руками человека.
Восхождение к искусству
По ступеням Эрмитажа.
Мерзлый хлеб, блокадный вкусный,
Лейб-гвардейские плюмажи, —
Все смешалось в этом месте,
В храме кисти и ваянья,
Все взошло на этом тесте,
Ожидая покаянья.
Восхождение из бездны,
К опустевшей зале тронной,
С Иорданского подъезда,
От подъезда с Миллионной.
Эта трудная дорога
Возвращает людям счастье.
Кто несчастлив, — ищет Бога,
А счастливые — не часто.
Восхождение к искусству
По ступеням Эрмитажа.
На дворе темно и пусто,
В небе звезд не видно даже.
Сквозь колонн ростральных свечи,
В грустной жизни изуверьясь,
Приходи сюда под вечер:
Остальное — вздор и ересь.

Помолчи минуту строго,
Подойдя к картинной раме:
Нету Бога кроме Бога,
Что витает в этом храме.

* * *

Застывает время, словно лава,
В холоде осеннего дождя.
Популярность переходит в славу,
Или гаснет, не переходя.
В юности, когда о них мечтаем,
Шумною весеннею порой,
Часто мы не слишком замечаем
Разницу меж первой и второй.
Различишь их схожую природу
Только поглядев издалека:
Популярность — от недель до года,
Слава — это годы и века.
Популярность коротка, как искра,
Тающая в бездне синевы.
Популярность возникает быстро,
Слава не торопится, увы.
Путь ее невычислим и сложен,
Нет у ней короткого пути.
Популярность опоздать не может,
Слава может вовсе не прийти.
Или запоздалою наградой
Для того, кто с нею незнаком,
Ляжет на могильную ограду
Погребальным вянущим венком.

Памяти Анатолия Наля

Мой тесть Анатолий Миронович Наль,
Я не был знаком с ним при жизни, а жаль,
Поэт, режиссер, переводчик,
Который недолго на свете прожил.
Его уничтожить тянулся из жил
Сосед в коммуналке, доносчик.
Мой тесть Анатолий Миронович Наль,
В чьей жизни важна мне любая деталь,

Хотя мы с ним не были близки.
 Он всю свою жизнь Мельпомене служил,
 С Волошиным и Антокольским дружил,
 С Цветаевой был в переписке.
 Той жизни недолгой, что прожита им,
 Суровой судьбой постоянно гоним,
 Другому хватило бы на три.
 В записках его нескончаемый счет
 Актерских работ, режиссерских работ,
 В любимом когда-то театре.
 Ты бережно эти тетради храни, —
 Нам высветить многое могут они
 В забвенья густеющей дымке.
 Ушел невозвратно в минувшие дни
 Вот этот красавец Гаспар Саверни
 На старом и выцветшем снимке.
 Мой тесть Анатолий Миронович Наль,
 Которого помнят сегодня едва ль,
 Талантище, умница, профи.
 Он в небе плывет превратившийся в дым,
 И в воздухе светлом мерцает над ним
 Чеканный вахтанговский профиль.
 Мой тесть Анатолий Миронович Наль,
 За ним открывается синяя даль,
 Под звук коктебельской свирели.
 И окнами той недоступной страны
 Глядят на меня по утрам со стены
 Волошинские акварели.

* * *

Для нас лишь тот писатель и поэт,
 Которому в земной юдоли тесно.
 Писатели, что жили много лет,
 Как правило, для нас неинтересны.
 Лишь тех, кому печальный жребий дан,
 Предпочитаем мы. Не оттого ли
 Смотреть подолгу можем на диван,
 Где умер Пушкин, мучаясь от боли?

Не потому ль в столетии ином,
Где позабыть мы многое успели,
Мы лермонтовский вспоминаем дом,
Вблизи от места горестной дуэли?
Или внезапно, посреди дорог,
Уже иные взяв ориентиры,
Мы вспомним дом, в котором умер Блок,
Цветаевой последнюю квартиру.
Вот, так и повелось у нас в Отчизне,
Где только тот понятнее тебе,
Кто за талант свой собственной жизнью
Неумолимой заплатил судьбе.

Библейские мифы

Сквозь бури времени и штиль
Уводят через рифы
Библейских прорицаний быль
И греческие мифы.
В небесной растворился мгле
Их неизвестный автор.
Они дорогу на Земле
Указывают в завтра.
Спешим же, головы склонив,
Их выведать секреты
У греков — сказка или миф,
А в Библии — заветы.
Они понятны не вполне
Для немощных и сирых.
Живущий в варварской стране
Усвоить их не в силах.
Стряхнув с кумранских свитков пыль,
Мы осознаем вскоре,
Что звуки «Библия» и «Быль»,
Имеют общий корень.
Опять войну добро и зло
Ведут попеременно.
И то, что не произошло,
Случится непременно.